

Валентина Скиданова

**СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО.
ТАКОЙ РАЗНЫЙ ЮМОР**

Ум отличается изобретательностью,
остроумие же только находчивостью.

К. Вебер

Боги смеха и озорства, шуты и комедианты, клоуны – все эти веселые персонажи, символы смеха и радости, присутствуют во многих мировых культурах. Они порождены таким важным аспектом человеческой цивилизации, как юмор. А чувство юмора – это прежде всего не умение смешить, а способность достойно сопротивляться любой беде. Смех уже в представлении древних был одним из способов создания и воссоздания жизни, смеху приписывалась возможность не только сопровождать жизнь, но и вызывать ее.

Изучением природы комического в разных странах занимаются лингвисты и литературоведы, психологи и социологи. Но, как верно замечено, национальные особенности юмора выразить словами столь же трудно, как описать запах. Отсюда основная цель статьи – показать некоторые национальные особенности юмора отдельных культур, народов. Постановка этой проблемы определило и основную задачу данной статьи – выделить основные принципы этих особенностей.

По сути, объектом комического может быть все, что имеет для человека смысл и допускает игру со смыслом, которое вызывает у человека удовольствие и соответствующую эмоциональную реакцию. Действие и смысл опосредуют отношения между субъектом и объектом. И если действие касается комической техники, то смысл – это восприятие комического. Комическая техника предназначена для ведения игры смыслов, наглядных и понятийных, так, чтобы у воспринимающего человека вызвать эмоциональную положительную реакцию – смех [4, с. 89].

Смех возвышает смеющегося над объектом смеха. Смех над собой возвышает человека над самим собой. Он обнаруживает силу человеческой личности при всех ее слабостях.

Если мы обратимся к истории итальянского карнавала, комедии масок, театра марионеток, комической оперы и буффонады, то это предполагает юмор и веселье как обязательный компонент итальянского образа жизни и национального характера. Недаром здесь принято смеяться буквально над всем, невзирая на лица. Конкурсы остряков собирают не меньшее число болельщиков, чем конкурсы красоты, уступая лишь притягательной силе футбола.

Чувство юмора не отказывает итальянцам даже в самых грустных обстоятельствах. Как говорится, ничего святого. Кстати, в католической

Италии чрезвычайно распространены анекдоты о церкви и священниках. Например: автогонщик пытается въехать в рай на «Феррари». Святой Петр терпеливо объясняет ему: «В рай нельзя на машине, сын мой, у нас тут чистый воздух, птички и бабочки летают...». В это время прямо по райским кущам, по газонам и цветам с грохотом и копотью проносится старый драндулет без выхлопной трубы. На заляпанном грязью номере видны только первые две буквы «НА». «А этому, с номером из Наполи (Неаполя) можно?» – возмущается гонщик. «Этот номер не из Наполи, а из Назарета», – смиренно отвечает Святой Петр.

Существует и целый швейцарский цикл. Вот типичная шутка: «Кто такой бедный швейцарец? Тот, кто сам моет свой «Мерседес».

Что такое французский юмор, вроде бы, понятно всем – или кажется, что понятно. Во всяком случае, если нам скажут: «Французский юмор», – то уж тут мы потираем руки в предвкушении чего-то такого... Французы, в принципе, крайне редко скандалят на улице. Объясняется это тем, что из конфликтных ситуаций они выходят с помощью шутки. Остроумная реплика ценится здесь больше, чем самый смешной анекдот. Как правило, пикантные французские шутки не вызывают гомерического смеха, зато вызывают улыбку, а она, в свою очередь, вызывает хорошее настроение. Французы любят свою страну, но недолюбливают друг друга: «Франция прекрасна, и была бы еще прекраснее, если бы там не было французов». Самоирония – качество, без которого французский юмор невозможно представить. А когда французы переходят на известные личности, это уже относится к области черного юмора. Больше всего французы шутят по поводу ближайших соседей. Особенно «повезло» бельгийцам: «У бельгийца украли машину, но, к счастью, он успел запомнить номер». И дальше в том же духе.

Если же говорят: «Это английский юмор», – все ясно: когда и над чем смеяться – непонятно. Всем известно, что англичане – люди сдержанные, несколько чопорные и высокомерные. Многовековая привычка подавлять внешние выражения своих эмоций, скорее всего, и стала основой чисто английского юмора. Англичане умеют говорить смешные вещи с невозмутимым серьезным выражением лица. Невозмутимость при неправдоподобных происшествиях и удивление мелким деталям на фоне общей абсурдности – отличительная черта типичного английского анекдота. Шотландец возвращается домой после шестимесячного путешествия по Европе. По приезду он попадает в объятия двух бородатых мужчин, в которых узнает родных братьев: «Что это вы так обросли?» «Но, Джонни, ты же уехал и забрал бритву!»

Британские ученые провели масштабное исследование в области юмора. Более 40 тысяч шуток получили около двух миллионов оценок. Шутки оценивались по пятибалльной шкале от «не очень смешно» до «очень смешно». Анекдот, получивший самые высокие оценки, был

представлен общественности: Два охотника выходят из леса, и один из них вдруг падает на землю. Кажется, он не дышит, его глаза остекленели. Другой охотник выхватывает телефон и вызывает службу спасения. Задышавшись от волнения, он кричит в трубку: «Мой друг мертв! Что мне делать?» Оператор отвечает: «Успокойтесь, мы вам поможем, но сначала давайте удостоверимся, что ваш друг действительно мертв». Некоторое время в трубке тишина, потом слышится выстрел. Охотник говорит диспетчеру: «Ладно, он мертв, что теперь?»

Очень часто английский юмор подвергается, так сказать, осуждению со стороны иностранцев, потому что шутки строятся на игре слов, непередаваемой и непонятной для людей, плохо владеющих английским языком.

При таком рассказывании анекдотов представителям других наций следует помнить, что понимание языкового сообщения предполагает два непереносимых предварительных условия: это знание (видение) структуры языка, грамматического строя, и знание (видение) смысла слов и словосочетаний. Кажется очевидным, что при выполнении этих условий языковое сообщение может быть понято и соответственно переведено на другой язык, то есть, интерпретировано слушателем. В этой переводимости языкового сообщения с одного языка на другой (его интерпретация) проявляется возможность объективизации заключенного в нем содержания и возможность его воплощения в различных языковых структурах.

И понимание языкового сообщения – понимание смысла – предполагает вхождение в определенную систему представлений, образующих целостный контекст, и предполагает вникание в смысловой контекст. Почти каждый язык содержит в себе свои средства перестройки больших фрагментов своего понятийного аппарата. Но оказывается, что эта способность «перестройки больших фрагментов» своего понятийного аппарата и вообще системы своих представлений и есть способность создания внутренними средствами одного языка самых различных моделей для одного и того же «смыслового контекста». В этом факте, данной здесь его интерпретации, можно увидеть и возможность адекватного перевода чужого «смыслового контекста» посредством построения его модели ресурсами данного языка. Но способность построения и совмещения в себе моделей для различных «смысловых контекстов» зависит от уровня развития языкового мышления. Ведь подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама же ответно и свободно раскрывает себя [4, с. 92].

Ну, а немцы? Есть ли у них чувство юмора? В сознании самых разных народов укоренился стереотип – у них его нет. Но на самом деле – чувство юмора у немцев есть, только специфическое. Считается, что нехватка юмора, и в особенности иронического и социально заостренного, является

оборотной стороной присущих немецкому национальному характеру любви к порядку и дисциплине. Если считать зеркалом национального чувства юмора анекдоты и юмористические телешоу, то их спектр включает черный юмор, явно заимствованный у англичан, и непередаваемые шутки, основанные на игре слов. Необычайно популярны среди немцев комиксы. Классикой немецкого юмора можно считать следующий анекдот: Сидят два воробья на куче конского навоза. Один из них говорит: «Слушай, замечательный анекдот вспомнил», а другой отвечает: «Только, пожалуйста, никаких гадостей, а то весь аппетит испортишь».

Еще одна популярная тема анекдотов – это взаимоотношения между восточными и западными немцами. Как на востоке, так и на западе страны любят поиздеваться над фризами, жителями экономически отсталого региона на севере Германии. Историческая судьба немцев сложилась так, что их представители власти и сами шутить не любили, и не поощряли воспитание чувства юмора в массах.

Американцам, наоборот, это чувство прививают с самого раннего детства. О недостатках американского юмора можно спорить, но, по видимому, не зря немцы считают американцев слишком «смешливыми». Американские психологи советуют родителям смеяться над первым анекдотом, который им расскажет ребенок, не раз и не два, а с улыбкой вновь и вновь вспоминать о нем, развивая таким образом в ребенке интерес и потребность в юморе. Считается, что улыбка и умение искренне выражать радость при встрече – признак жизненного успеха.

В самые трудные времена в Америке был распространен лозунг: «Keep smiling!» – «Улыбайся!», и до их пор не уходит мода на значки с улыбающимися рожицами. Но при этом существует также понятие «эмоциональной интеллигентности», то есть способности оценить шутку и не хихикать по любому поводу (можно вспомнить нашу поговорку: «Смех без причины – признак дурачины»), но все равно при любых условиях: «Улыбайтесь!»

Нельзя сказать, что американский юмор обладает некими уникальными особенностями или в чем-то является специфичным. Все-таки американская культура не начиналась с нуля, а сформировалась с помощью европейских и иных влияний. Структуры и формы американских шуток не отличаются от принятых в Европе. Понятно, что появляются некие особые темы шуток, например, связанные с происшествиями или явлениями, которые произошли в стране. Так, уже через две недели после страшной трагедии, терактов 11 сентября 2001 г., американские сатирики уже издевались над Усамой Бен Ладеном и движением «Талибан», придумывая смешные рекламные объявления типа: «Талибан Барби» или куклы «Джихад Джо», а также переписывали популярные песни. Юмористы переносят Бен Ладена из исламского культурного контекста в нелепый, отчетливо американский

[4, с. 89]. Хотя, следует отметить, то же самое происходит и в юморе иных народов.

Вот, по мнению самих американцев, один из лучших их анекдотов: Двое мужчин играют в гольф. Вдруг они видят, что на дороге рядом с полем появляется похоронная процессия. Один из мужчин застывает в момент удара, снимает кепку, закрывает глаза и кланяется. Его друг говорит: «Ничего себе, это самый трогательный жест, который я когда-либо видел. Вы, вероятно, очень добрый человек». Другой отвечает: «Да мы были женаты 25 лет».

Попытки классифицировать типичные темы американского юмора предпринимали достаточно часто. Наиболее популярные объекты для шуток – дикая природа и ее обитатели, иммигранты, ковбои, столкновения людей, принадлежащих к разным классам, расам, национальностям, этносам и обладающих различной сексуальной ориентацией. Все эти темы активно используются в современной юмористической культуре.

Украинский юмор щедр на шутки по национальным признакам. Так, постоянно шутят над соседями-молдаванами: Для них надо очень медленно говорить (чтобы поняли). Шутят над русскими, чукчами (иностранцам трудно понять, почему), над грузинами (это еще с советских времен, когда грузины были рыночными спекулянтами), особым жанром являются еврейские анекдоты, которые почему-то чаще всего связаны с политической проблематикой, диссидентством и т. п.

А вообще для модели украинского юмора сегодня характерна актуализация жизнеутверждающего начала и ощущения свободы, которое он дарит: После оглашения результатов выборов наряду с прогрессивными социалистами в Украине появились еще и депрессивные.

Ведь нельзя смеяться над тем, чего боишься. Можно смеяться над тем, что неприятно, ненавистно, но с чем уже находишь в себе силы бороться, когда готов подняться над своим страхом. Все, что становится смешным, – уже не страшно. Эта особенность была очень важна для Украины на протяжении предыдущего столетия. «В эпохи великих переломов и переоценок, – отмечает М. М. Бахтин, – смены «правд» вся жизнь в известном смысле принимает карнавальный характер: границы официального мира сужаются, и сам он утрачивает свою строгость и уверенность, границы же площади расширяются, атмосфера ее начинает проникать повсюду...» [1, с. 154]. Урок географии в украинской школе. Учитель: «Запомните, дети: Лондон, Париж и Берлин находятся на правом берегу Днепра, а Токио и Пекин – на левобережье...»

Без преувеличения можно сказать, что чувство юмора – одна из важнейших черт еврейского народа. Правда, еврейский юмор часто невеселый, саркастический и даже грустный. «Вы будете смеяться, но Сара тоже умерла». Это даже не гоголевский «смех сквозь слезы» – слезы сквозь

смех.

Истоки еврейского юмора можно проследить в притчах Библии, Талмуда, Агады, хасидских рассказов. Анекдотический потенциал содержится и в библейском повествовании об Адаме и Еве и даже самом Боге («Господи, да будешь Ты ни за, ни против нас»), не говоря уже о Сатане и его подручных.

Отсюда идет и мудрая притчевость лучших еврейских анекдотов. Неслучайно некоторые из выражений этих анекдотов перешли в поговорки и резюмируют жизненный опыт народа: «Разве это жизнь?», «Не делайте волну!», «Иди докажи, что ты не верблюд», «Послали кота на сметану», «Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным, но больным». «Человек – это то, что он дает другим»...

Вообще на иврите слово «хохма» означает мудрость. Мудрость в Библии – это не теоретическое, отвлеченное знание, а практическое умение решать жизненные задачи. Мудрец (хахам) учил не только праведности, но и умению достичь счастья, что обусловлено исполнением воли Божьей. Мудрость – хохма – также означала стремление проникнуть в тайны бытия, познать смысл жизни, цель творения, разгадать загадку смерти и зла, царящего в мире. Вошедшее в русский язык слово «хохма» по своему происхождению связано с библейской хохмой на иврите, но имеет свой смысл. В каждой шутке, говорят, есть доля шутки. Другой долей может быть глупость или мудрость. В каждой хорошей шутке есть доля мудрости. Юмор – веселый сын Мудрости.

Многотрудная жизнь в тысячелетнем изгнании и скитаниях, в приспособлении к новым обстоятельствам, в стремлении выжить, несмотря ни на что, приобрести иммунитет к гонениям и оскорблениям, – такая жизнь заставляла еврея рассчитывать на несколько ходов вперед: «– Ребе, сколько это еще будет продолжаться? Мы уже не в состоянии выдержать! – Евреи, не дай Бог, чтобы это продолжалось столько, сколько вы в состоянии выдержать!»!

Отсюда и изворотливость ума, и находчивость, и умение подметить противоречия, обнаружить истину в парадоксе. Все это содействует складу ума, которому необходима острога, то есть остроумие. Утвердить же свое достоинство перед другими и свое превосходство над своими собственными недостатками и слабостями возможно только через чувство юмора.

Еврейство не просто и неоднозначно, оно исполнено противоречий. Ни один другой народ не породил таких возвышенных пророков и освободителей. И история еврейского народа показывает, что у еврея можно отнять все, кроме чувства юмора. Смех убивает, но только достойное смеха. Можно без преувеличения сказать, что чувство юмора – одна из важнейших причин жизнестойкости еврейского народа. Евреи шутили даже в концентрационных лагерях, в гетто, во время безнадежных восстаний.

Жители Варшавского гетто говорили друг другу: «Не горюй, мы еще встретимся как два куска мыла в витрине парфюмерного магазина» [2, с. 9].

Одной из особенностей еврейского юмора является его необычная самокритичность. Ни один другой народ не делал себя столь безжалостной мишенью своего собственного остроумия, как еврейский. Именно самокритика народа может нам объяснить, почему на почве еврейской народной жизни выросло большое число удачных острот. Это прежде всего истории, созданные самими евреями и направленные против своеобразности еврейского характера. Остроты, созданные не евреями о евреях, в большинстве случаев являются плоскими шутками, в которых острота происходит за счет того, что не еврей относится к еврею, как к комической фигуре. Остроты же о евреях, созданные евреями, тоже допускают такой прием, но они знают свои истинные недостатки, равно как и связь их с их положительными чертами, и участие собственной личности в порицаемой создает очень трудно поддающееся изображению субъективное условие работы остроумия. Если ли еще такой народ, который так смеялся бы над своим собственным существованием?

Дина Рубина в эссе «Иерусалимский автобус» описывает ситуацию, которую без улыбки невозможно воспринимать и которая характеризует своеобразие еврейского юмора: «Очередная остановка автобуса. На тротуаре стоит девочка лет девяти, за плечами школьный ранец. Она не торопится сесть в автобус.

– Ну?! – спрашивает водитель. – Долго я буду ждать?

– А после тебя, во сколько будет следующий? – лениво вопрошает дитя.

– Давай, садись, какой тебе еще следующий? – восклицает водитель.

– Неохота... – отвечает дитя.

– Садись в автобус, я сказал! – грозно вскрикивает водитель.

– Что ты пристал к ребенку! – доносится откуда-то с задних сидений. –

Не хочет, пусть не едет.

– Что значит «пусть не едет»? Нечего ей шляться! – взрывается водитель. –

Немедленно домой, уроки делать.

Тогда дитя с тротуара отвечает что-то вроде – сам делай свои уроки, если ты их когда-то не доделал...

– Пусть ребенок гуляет, езжай по маршруту! – орут пассажиры, и автобус, наконец, трогается с места» [3, с. 440–441]. И потребовалось минут десять, отмечает Д. Рубина, чтобы осознать, что этот водитель не приходится этой девочке ни папой, ни дядей, ни даже соседом...

Эта особенность еврейского юмора ставит вопрос, как отличить еврейский анекдот от антисемитского. Сделать это очень трудно. Антисемитизм строится на собирании всех негативных свойств, существующих у отдельных людей, и переносе этих свойств на еврейский народ в целом. Можно сказать, что внимание антисемита сосредоточено

на Зле, естественно, в его понимании. И поэтому, он озабочен собиранием анекдотов, избличающих евреев – их похотливость, страсть к наживе, коварство и предательство. Антисемитские анекдоты имеют такое же отношение к евреям, как пошлые и похабные анекдоты о Пушкине имеют отношение к гениальному поэту.

Именно самокритичность еврейского юмора лучше всего опровергает ходячее представление о непомерном самомнении евреев как исключительном народе, плетущем сети заговора против всего остального человечества. Еврейские шутки и остроты, пословицы и поговорки, анекдоты и афоризмы нередко противоречат друг другу. В этой противоречивости анекдотических притч и остроумных афоризмов проявляется мудрость народного юмора. Еврейский юмор – не исключение. Поэтому не нужно удивляться, что в еврейских анекдотах еврей выступает то как трезвенник, то как пьяница, то как честный до щепетильности, то как жулик, то как бескорыстный простак, то как жадный пройдоха, то как интеллеktуал-умница, то как непроходимый дурак. При этом юмор отнюдь не восхваляет отрицательные нравственные качества и «чужих», и «своих». «Своим» достается больше:

«На гастролы приехал известный дирижер. Во время репетиции музыканты обратили внимание на его недовольный вид. Первая скрипка посмел обратиться к нему с вопросом:

- Скажите, пожалуйста, Вам не нравится наш оркестр?
- Нет, что Вы! Прекрасный оркестр!
- Может быть, Вам не нравится наш репертуар?
- Нет, что Вы! Репертуар замечательный!
- Может быть, Вам не нравится, как я играю?
- Вы играете превосходно!
- Тогда, простите, чем объяснить недовольное выражение Вашего лица?
- Ах, знаете, я просто с детства не люблю музыку».

Юмор разрушает ходячие стереотипные, односторонние представления о евреях, на которых базируется антисемитизм. Еврейские остроты действительно смешны, и поэтому заслуживают внимания. Следует отметить, что еврейская острога имеет только еврейские аксессуары, а ядро ее, ее основа имеет общечеловеческое значение. Еврей приходит к ребе и спрашивает его: «На ком жениться? На бедной или на богатой?». Ребе говорит: «Женись на богатой». Через месяц еврей снова приходит к ребе и спрашивает: «На ком жениться? На бедной или богатой?». Ребе говорит: «Женись на бедной». Через месяц снова у ребе: «Опять что-то не то». Тогда ребе говорит: «А не хотел бы ты перейти в православие?»

Может быть, эта способность, смеясь, осознавать свои недостатки и тем утверждать свои действительные достоинства – одна из основных причин позволявших еврейскому народу выживать в самых трудных и,

порой, невыносимых условиях жизни.

Таким образом, каждая культура имеет свой неповторимый набор социально-знаковых «типажей», в которых соединены четко установленные социальные роли и неповторимая индивидуальность человека. Смеховое начало в культуре, карнавализация жизни позволяют человеку выбирать значимые для него ценности, свободно варьируя ими, создавать свое собственное пространство.

1. Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии.– 1992.– № 1.– С. 134–164.
2. Евреи шутят.– СПб: Сантаре, 1999.– 256 с.
3. Рубина Д. Иерусалимский автобус // Под знаком карнавала.– Екатеринбург, 2002.– С. 435–444.
4. Скиданова В. А. Шутка как объект смехового творчества // Δόξα / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології.– Вип. 9. Семантичні й герменевтичні виміри сміху.– Одеса, 2006.– С. 87–93.